

ОТКУДА И КУДА

КЛЯТВА ГАННИБАЛА

© 2017

И.Г. Яковенко

**Яковенко
Игорь**

Григорьевич —
доктор филос. наук,
профессор кафедры
истории и теории
культуры РГГУ. По-
стоянный автор
журнала.
E-mail: igjack@
yandex.ru

В 239 году до н.э. девятилетний Ганнибал Барка по требованию своего отца поклялся у алтаря великого бога Баала-Хаммона¹ в том, что никогда он не будет другом римского народа. Под знаком этой клятвы прошла вся его дальнейшая жизнь: один из величайших полководцев и государственных деятелей древности до самой смерти был заклятым врагом Римской республики — и последним значимым лидером Карфагена.

Вот как описывал этот момент своей жизни Ганнибал на склоне лет в разговоре с селевкидским царем Антиохом III Великим (223—187 до н.э.): “Когда, Антиох, я был ещё малым ребёнком, мой отец Гамилькар как-то во время жертвоприношения подвёл меня к алтарю и заставил поклясться, что никогда не буду я другом римского народа. Под знаком этой клятвы я воевал 36 лет, она же изгнала меня из отечества во время мира, она привела беглецом в твой царский дворец, и если ты обманешь мою надежду, я, ведомый все тою же клятвой, разубавая, где еще есть военные силы, где есть оружие, по всему свету стану искать и найду врагов римлянам. Так что если твоим приближенным любо множить перед тобою мои вины, пусть они поищут для этого другой повод. Я ненавижу римлян и ненавистен им! Свидетелями правдивости моих слов да будут мой отец Гамилькар и боги”.

“Клятва Ганнибала” давно стала крылатым выражением едва ли не во всех европейских языках, но вот об исторической трагедии, на которую лег отпечаток этой клятвы, задумываются редко. А в ней, при всей ее яркости и уникальности, таится немало типического и потому поучительного.

К исходу второго тысячелетия до н.э. в истории средиземноморской ойкумены произошел качественный сдвиг. Незадолго до того, в XIII веке Восточное Средиземноморье пережило цивилизационную катастрофу: нашествия “народов моря” смели зажившиеся раннерабовладельческие общества первого поколения государственности, заметно ослабили Египет (от этого удара он до конца так и не оправился) и разрушили всю сложившуюся поли-

¹ Один из главных богов карфагенского пантеона. Заметим, что имя мальчика — Ганнибал производно от Баала.

тическую и экономическую реальность. На этом фоне в XII веке до н.э. начинается подъем Финикии. Ее социальная и культурная реальность складывается, в известном смысле, на голом месте. А в таких случаях возникает возможность появления нового исторического качества, как это произошло со средневековой Европой на пространствах разрушенной варварами Римской империи.

Территория, за которой закрепилось название “Финикия”, — это сильно изрезанная полоса побережья длиной в две сотни километров и шириной не более полусотни, отделенная от континента грядой Ливанских гор. Земледелие на таком клочке земли прокормить людей не могло, зато местные гавани во все времена были центрами обмена товарами между Передней Азией, Эгеей и Египтом. Вслед за транзитной торговлей, как всегда, стали развиваться ремесла: Финикия прославилась на все Средиземноморье своими стеклянными украшениями, красками (в частности, знаменитым пурпуром), тканями.

Торговля как специфический род деятельности обладает собственной природой. Прежде всего, она рождает товарное производство. Далее, разворачиваясь и оформляясь, торговля и вырастающее из нее предпринимательское сознание формируют органичный для себя социокультурный универсум: особый тип мышления и личности, систему отношений, общественные практики, мировоззрение, политическую систему и так далее. Коммерческая деятельность заставляет самостоятельно принимать решения, реализовывать их и нести всю полноту ответственности. Иными словами, требует выражено субъектных характеристик личности. Базовый тип человека традиционных восточных обществ — верноподданный, исполнитель повелений иерархии. Субъектная природа коммерсанта вступает в конфликт с требованиями традиционного восточного общества, опиравшегося на государственную экономику и сакральную власть. А поскольку человеческая психика целостна, успешный купец тяготеет ролью холопа. И общества, в которых основной род деятельности составляет торговля, с необходимостью тяготеют к политическим моделям демократии и к гражданскому обществу. Демократическая государственность фундаментально противостоит тенденции сакрализации власти, рассматривая последнюю как социальный институт, создаваемый и воспроизводимый гражданами.

В складывавшихся обществах Финикии можно усмотреть первую итерацию формирования нового исторического качества — модели полиса. Возникает город-государство, в котором отсутствует или отходит на второй план доминировавший во всех восточных обществах государственный (или храмовый) сектор хозяйства — в этом и состоит одно из коренных отличий полиса от “номового” государства Передней Азии (см., напр., [1]). Новые города-государства и принадлежащие им хозяйства управлялись общинными органами. Собственниками земли могли быть только полноправные члены городской общины. Помимо права на част-

ОТКУДА И КУДА

ную собственность, рабов и имущество, они имели право участвовать в доходах полиса и в управлении им.

Быстро проявились конкурентные преимущества такого общества по отношению к соседям: хозяйственный рост, рождение массы инноваций. К примеру, первая в истории человечества реклама дошла до нас именно от финикийцев: они писали громадные рекламные тексты на скалах и отрогах бухт, в которые входили и из которых выходили корабли. Правда, сохранившиеся стены Помпей тоже исписаны разнообразной рекламой, как коммерческой, так и политической, — но ведь это было на тысячу лет позже. Самое главное порождение финикийского гения — создание алфавита. Благодаря ему грамотные люди из замкнутой касты превращаются в активный слой общества, а общество обретает мощный инструмент саморазвития.

Формируется и еще одно невиданное в обществах Древнего Востока явление — полисная солидарность. Граждане в массовом порядке, не на словах, а на деле (как о том свидетельствуют сохранившиеся исторические известия) ставили интересы полиса выше личных или узкосемейных. Вот как описывает карфагенское общество Олег Ивик: “Карфаген был республикой, и, хотя руководили государством олигархические советы и избираемые из числа богатых и знатных граждан магистраты, народ имел огромные права. Высшая власть принадлежала народному собранию; была очень развита общинная собственность, и даже имущество храмов контролировалось общиной. Это приводило к тому, что каждый карфагенянин чувствовал себя, прежде всего, частицей своего государства и ставил общественные интересы выше личных. Когда родине грозила опасность, большинство граждан были готовы пожертвовать ребенком ради государства” [2].

Однако судьба первых цивилизаций нового поколения (как и вообще первых) часто бывает трагичной: слишком многое унаследовали они в неприкосновенности от “старого мира”, а конкурентные преимущества от первых инноваций не стимулируют к новым качественным сдвигам. И вскоре их начинают обходить “вторые” и “третьи”. Причем соперничество здесь бывает куда более жестким и жестоким, чем было с обществами предыдущего поколения, оставшимися как бы в другой, прежней реальности. Так произошло и с финикийцами. В частности, в сфере познания и осмысления мира они не вышли за рамки предшествующей, восточной традиции, хотя и довели ее до совершенства.

Греческий автор так описывает типичную картину воспитания и профессионального образования карфагенянина. Финикийский купец брал шестилетнего ребенка на корабль, и ребенок плавал с отцом до совершеннолетия. К этому времени он постигал все тонкости купеческого ремесла. Карфагенского подростка учили математике, бухгалтерскому учету, иностранным языкам, географии Ойкумены, правовым нормам, актуальным как на родине, так и в странах пребывания, правилам вождения корабля, искусству ориентироваться в море по звездам, искусству вести переговоры

и договариваться. Одним словом, сквозное экономическое образование, о котором можно только мечтать. Оно направлено на формирование знаний, навыков и компетенций, необходимых активному члену карфагенского общества в его профессиональной и гражданской жизни. Казалось бы, оно радикально отлично от традиционной восточной модели образования. Однако так кажется лишь до тех пор, пока мы не сравним ее с греческой.

Сына состоятельного грека после усвоения навыков чтения и письма, знакомства с сакральными текстами (Гомер), обучали не отцовскому “бизнесу”, а риторике, логике и философии. Погружали в нескончаемую школу обучения и оттачивания искусства диалога и дискуссии. Люди полиса целыми днями сидели на форуме, участвуя в обсуждении внутри- и внешнеполитических вопросов, участвовали в судебных заседаниях, избирали должностных лиц. Этот род дельности требовал умения формулировать свои мысли, ясно изложить свою точку зрения, адекватно понимать высказывания другого, то есть способности к рациональному мышлению. Высокий уровень развития экономических отношений (частная собственность, товарное производство) отделял и преимущественное развитие абстрактного мышления. Развивая рациональный способ постижения мира, греки создали метод мышления и технологию рационального рассуждения — дискуссию, как базовую стратегию познания.

И только в контексте освоения этого базового пласта культуры погружали в специальные дисциплины: математику, географию, историю, формировали практические навыки и обучали необходимым технологиям².

Историки философии и науковеды выделяют “вавилонский” и “греческий” пути развития научного знания. Так, вавилонская, как и египетская математика лишена системы доказательств, раскрывающих закономерную связь между параметрами исследуемого объекта. Вавилонские писцы могли измерить диаметр круга и из таблицы узнать, чему равняется площадь этого круга. Грек же имел перед собой формулу, позволяющую вычислить площадь любого круга исходя из диаметра. Греческая культура сформировала знание особого типа — систематическое, объективированное, доказательное, и, на взгляд носителя традиционной культуры, — бесполезное. Но только на его взгляд. В обществах, где вся субъектность стягивается к иерархии, доказательность знания действительно не имеет значения — интерпретатором традиции и источником истины выступает духовная власть. Личностная установка и демократическая традиция, напротив, требуют опоры на собственные силы в познании реальности. Развивая рациональный способ постижения мира, греки создали метод мышления и технологию рационального рассуждения — дискуссию как базовую стратегию познания.

Греки воплощали исторически следующую итерацию процесса рождения нового качества. Именно в Греции оформляется и закрепляется на века само понятие античного полиса — граждан-

² Заметим, что российская система образования, восходящая к традиционной культуре и вырастающей из нее модели социализации, тяготеет к финикийской модели. В России учат компетенциям, алгоритмам решения задач, а не мышлению как универсальной стратегии познания и разрешения любых практических задач. Российское образование категорически отторгает искусство дискуссии, понимаемое на западе как базовый способ постижения реальности и выработки согласованных решений.

ОТКУДА И КУДА

ской общины, конституирующая себя в качестве государства [5], и традиция полисного жизнеустройства, которая не прерывалась в Европе на протяжении двух тысяч лет и участвовала в рождении Нового времени. Но в чем же состояли главные различия?

В Греции (а затем и в Риме, но о нем разговор особый) складывается качественно отличный от древневосточного универсум культуры со своим образом жизни, практиками общения, иерархией социальных статусов, новым местом женщины. Здесь показателен Перикл. Его гражданская жена Аспасия, говоря современным языком, держала салон, где принимали философов, художников, ученых. По свидетельству Плутарха, “Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми... чтобы послушать ее рассуждения”. Восточный владыка общается со жрецами, военачальниками, придворными. Это общение пронизано иерархическими отношениями. Греческий лидер за рамками служебных отношений, как частный человек, общается с интеллектуальной элитой, творческими людьми.

В этом отношении Перикл выступает как модельный персонаж. Имя друга Октавиана Августа Гая Цильния Мецената, поклонника искусств и покровителя поэтов, потому и стало нарицательным, что этот род увлечений обрел высокий культурный статус. Культура греко-римской античности пронизана гуманитарными интересами, предполагает погруженность состоявшегося, образованного человека в ценности высокой культуры.

Общий блок культуры, лежащий за рамками прикладных знаний и технологий, имеет огромное значение и, по сути, определяет архитектуру сознания. Рациональное мышление — стратегия, дробящая синкретизм в сознании человека. Она переводит процессы постижения сути некоторой проблемы и выработки путей ее разрешения из пространства вживания в проблему, магического уподобления, схватывания (а все эти процессы непостижимы для субъекта действия, ответ приходит как озарение) в пространство осознанной работы интеллекта, где каждый элемент осмыслен, поддается критике и гносеологической рефлексии и, что чрезвычайно важно, воспроизводим. Такая трансформация сознания революционна. Она задает качественный переход на последующую ступень исторического развития, а в синхронном аспекте несет решающие стратегические преимущества.

С этой точки зрения Рим по сравнению с Элладой в каком-то смысле можно рассматривать как “регрессию”, отступление. Чистое, незаинтересованное знание изначально не пользовалось там особым престижем; чрезмерная склонность к философствованию осуждалась и высмеивалась — по крайней мере, в период Республики, на который и приходилась борьба с Карфагеном; индивидуализм за определенными, весьма тесными пределами осуждался и даже подавлялся средствами не только культуры, но и государственного принуждения. Зато Рим внес в описанный нами универсум два ключевых момента: римское право и имперский принцип. Именно римское право как принцип организации жизни и свя-

занные с ним процедуры судебного разбирательства позволили примирить рационализм и определенную автономию личности с укреплением государственной машины.

Чтобы завершить список интересующих нас здесь цивилизаций “второго поколения”, надо добавить в него евреев, родивших и выстрадавших идею единого Бога. Монотеизм отсекает общества первого эшелона мировой истории и зримо, на идеологическом уровне, утверждает наступление другой эпохи.

Итак, четыре народа Средиземноморья — финикийцы, греки, евреи и римляне — сформировали новое историческое качество, развивали и совершенствовали его в течение полутора тысячелетий. Правда, в римлянах характеристики торгового народа были выражены в меньшей степени, но зато, в отличие от греков, они смогли выйти за рамки полиса и создать эффективную государственную структуру, интегрирующую большие пространства. Здесь мы касаемся темы, требующей развернутого комментария.

На заре истории товарное хозяйство, феномен гражданина, рациональное сознание, демократические институты и автономная личность могли сложиться *только в торговом городе-государстве*. А в этом случае все перечисленные характеристики сплавлены воедино с *локализмом* полисного сознания.

Следующая итерация всемирно-исторического процесса требовала, чтобы новое качество, обретенное в полисе, перешло на уровень большого государства. Задача интегрирования больших пространств вступала в неразрешимое противоречие с полисным локализмом. Империя как универсальная модель; монотеизм и мировые религии как интегратор поверх различий “эллина и иудея, варвара, скифа, раба, свободного” (Павел 1: 1); наконец, национальные государства, складывающиеся в эпоху утверждения секулярного сознания, — все эти феномены требуют преодоления локализма: полисного, племенного, территориального.

Преодоление локализма — задача огромной важности, возникающая на определенных этапах государственного строительства. Вне общей идентичности нет единого государства, нет готовности бороться и умирать за большую, общую родину. И эти соображения, волновавшие итальянских и германских патриотов XIX века, имеют прямое отношение к нашей теме. Как пишет И. Кораблев: “Победила римская государственная и военная организация, позволившая Риму более эффективно, чем это сделал Карфаген, мобилизовать свои ресурсы” [3]. Он же напоминает, что карфагенские колонии в Испании вообще не участвовали во Второй Пунической войне.

Путь от полиса к большому государству — процесс сложный и внутренне противоречивый. Интегрирование больших общностей подталкивает эволюцию “в обратном направлении” — к традиционным моделям общества и культуры, хорошо отработанным Древним Востоком. Сильная власть, необходимая для создания больших государств, утрачивает зависимость от породившего ее общества. Сословие правителей начинает воспринимать граждан

ОТКУДА И КУДА

как подданных, а свою власть — как исконную и богоданную. Медленно, но неотвратно, вчерашний гражданин превращается в холопа.

Первая попытка была сделана греками. Поначалу просто ничего не получилось: греческие полисы энергично сопротивлялись гегемонии Афин и стремились сохранить независимость. Однако к середине IV века до н.э. переживавшие “кризис полиса” города-государства были завоеваны македонским правителем Филиппом II. А его сын Александр завоевал огромные пространства Востока и реализовал политический курс на создание единого государства, объединявшего греков и варваров.

Наследовавшие ему диадохи ушли на Восток, в центры завоеванных государств. Взяв от Востока сакральную власть и устойчивую имперскую традицию, они обрекли себя на жизнь в обществах, для которых деспотия — естественное и единственно возможное состояние. Обживая новые пространства, греки утрачивали собственно греческое полисно-античное качество и незаметно для себя превращались в привилегированное сословие традиционных азиатских империй. За три-четыре века государства диадохов деградировали в нормальные восточные империи.

Создать эффективную государственную структуру, интегрирующую большие пространства, сохранив исходное социокультурное целое, удалось только Риму, добавившему к достижениям греческой античности римское право, железную волю и неиссякаемую энергию молодой империи. Централизованное государство брало на себя функции внешней политики, ввело единое законодательство, общегосударственное налогообложение. Однако внутренняя жизнь в провинциях соответствовала полисной традиции — по крайней мере, там, где такая традиция существовала. Демократические институты, самые разнообразные объединения и коллегии позволяли сохраняться сознанию и формам социальности, сложившимся в мире греческой античности.

Понятно, что в таком виде никто из субъектов действия задачу не формулировал. Однако история хитрее людей. Она варьирует ландшафтно-климатические, геополитические, социально-демографические и другие условия таким образом, что однажды складывается благоприятная ситуация для рождения нового феномена. Именно поэтому у Рима получилось.

Однако дальнейшее развитие событий толкало Империю к трансформации в традиционную имперскую структуру. В первом-втором веках Рим охватил Средиземноморье со всех сторон и инкорпорировал огромные массы традиционно азиатского человеческого материала. Античное общество не только не складывается на новоприобретенных пространствах, но и вырождается на пространствах собственно европейских. Республиканские традиции не были уничтожены полностью, но отступили в отдельные зоны и спустились на более низкий уровень.

Римское качество сохранилось от дальнейшей деградации разломом Империи в 405 году. Западная империя угасала, но дальней-

шая трансформация в направлении восточных моделей там прекратилась. Вместо этого обрабатывались новые социальные модели, по-настоящему востребованные позже, средневековым обществом: формировались сословия, рабов переводили в статус колон — посаженных на землю крепостных и т.д. Восточная империя выдержала натиск варваров и просуществовала еще тысячу лет. Но хотя подданные Византийского императора и называли себя “ромеями”, сама Византия и ее подданные было качественно иным феноменом относительно античного Рима.

Собственно европейское историческое качество, преемственное от греко-римской античности, возрождается и формируется заново на нашем континенте с разворачиванием Средневековья. Примерно полторы тысячи лет европейский эйдос развивался более или менее изолированно — такие феномены, как арабы в Испании и турки на Балканах носили локальный характер и охватывали лишь периферию континента. Массовая миграция афро-азиатского населения в Европу начинается лишь во время Первой мировой войны. И с этого времени ситуация меняется.

Здесь мы касаемся еще одной важной проблемы: Рим мог ассимилировать варваров: носитель культуры и сознания, соответствующих более ранней стадии исторического развития, с большим или меньшим трудом, но вписывается в ту или иную цивилизацию. Другое дело — стадияльно соотносимый человеческий материал. Переход из одной цивилизации в другую — процесс исключительно сложный, энергоемкий и болезненный. Такого рода трансформация возможна (не обязательна и неизбежна, но возможна) при соблюдении важнейшего базового условия: выдерживания пропорций численности ассимилирующего целого и корпуса мигрантов.

Условно говоря, устойчивое социокультурное целое может ассимилировать в течение жизни двух-трех поколений 10% своего объема. Гарантий никаких нет. Мигранты могут оукуклиться, встать на путь противостояния, сконцентрироваться на небольшой территории и пытаться обрести политическую независимость. Но могут и постепенно вписываться в культуру новой родины. На некотором этапе этого процесса (чаще у внуков и правнуков) происходит принятие исповедальных ценностей и более или менее полная ассимиляция.

Однако если пропорции существенно нарушены и/или, не дай Бог, мигранты обретают политическое господство, — вектор ассимилятивного процесса меняется, разворачивается обратная ассимиляция. Эти процессы можно было наблюдать на территориях Византийской империи, захваченных Арабским халифатом либо вошедших в Османскую империю. Потомки “ромеев” миллионными переходили в ислам и смешивались с сильно уступавшими им по численности завоевателями.

Иногда это происходило по историческим меркам стремительно. После турецкого завоевания жители Боснии, исповедовавшие религию попа Богомила, вместе со своими князьями почти сразу

ОТКУДА И КУДА

перешли в ислам. То же после арабского завоевания происходило с жителями Египта. Монофизиты и несториане Ближнего Востока, которым Константинополь навязывал халкидонскую веру, с чувством облегчения объявляли себя мусульманами.

Сегодня на наших глазах драма трагической диалектики Запада и Востока разыгрывается в третий раз после диadoхов и Римской империи. Колониальное господство Запада эпохи Нового времени завершилось вполне ожидаемо: разогретый Восток наносит “ответный удар”. Но на этот раз необозримо возросшая мощь современной цивилизации позволила процессу охватить весь земной шар. Соответственно, тренд торможения, блокировки и деградации, потенциально задающий перерождение Запада, вызван активизацией разбуженных обществ и обратным движением, исходящим из всех уголков и зон традиционного мира. Восток (понимаемый в самом широком смысле), восприняв от Запада элементы нового качества, активизировался и устремился (людьми, ресурсами, идеями) на Запад, стремясь снять мучительную дистанцию между этими сущностями, сделать из Запада нормальное восточное общество. Пусть в той или иной мере модернизированное, продвинутое по шкале исторического развития, — но “восточное”, органичное для представителей традиционных обществ.

Мы не знаем, чем закончится эта очередная итерация диалектики Запада и Востока. Однако то, что результат задаст судьбы мира, не подлежит сомнению.

Но возвратимся к грекам и римлянам. Как показала история, безудержный империализм — плохая альтернатива локализму. Захват без разбора всего что плохо лежит обрекает народ-империостроитель на сосуществование в рамках неинтегрируемого, внутренне противоречивого целого. Эта политика рождает непреодолимые проблемы и в стратегическом аспекте обрекает государство на распад. Именно поэтому безудержный империализм — достояние прошлого. К рубежу XVIII–XIX веков европейские политики начали осознать, что захват конфессионально и культурно чуждых территорий в Европе — занятие не только бесполезное, но и опасное.

Мучительно, шаг за шагом преодолевающий локализм человек двигался к модели национального государства. Интересный пример — уже упоминавшееся мельком объединение Германии. Когда Бисмарк утверждал: “Мы никогда не должны позволить прусской монархии терять свой характер в ленивой закваске южно-германского уюта”, — им руководила точная историческая и культурологическая интуиция [4]. Деятельная протестантская Пруссия качественно отличалась от склонной к созерцательной жизни католической Южной Германии. Для объединения Германии потребовалось длительное вызревание Пруссии вне общегерманского единства. Только в такой конфигурации могло сформироваться и закрепиться качество, которое после объединения было навязано всей Германии и обрело характер общенациональной ментальности. Немцы часто говорят, что знаменитый “орднунг”

и общегерманский энергетический импульс были привнесены Пруссией. Но прежде, чем “перелопатить” всю нацию, эти качества должны были вызреть в отдельном локусе, войти в ментальность и социальную природу общества. Должно было накопиться, аккумулироваться некоторое “количество движения”. И только потом, опираясь на эту энергию, можно было не только объединить немецкие земли, но и преобразовать их в соответствии с прусским духом.

Характерно, что совокупного импульса или преобразующего потенциала Пруссии как общества, несущего новое качество, было достаточно для интеграции северо- и южно-германских земель, но явно не хватало для интегрирования, во-первых, католической и, во-вторых, не изжившей (в силу первого обстоятельства) имперское сознание Австрии. Аннексия Австрии — а после битвы при Садове (1866 года) эта перспектива была вполне реализуема — привела бы к откату новообразовавшегося целого назад. Пруссия растворилась бы в той самой “ленивой закваске”, которой так боялся Бисмарк, сознательно избежавший этого шага.

Но, чтобы прийти к пониманию всего сказанного, “условному Бисмарку” потребовались две тысячи лет, опыт Тридцатилетней войны и Контрреформации, наступление секулярного сознания (вспомним политику “Культуркампа”). История разворачивается в своем темпе. Впрочем, на восток от Германии политическая элита другой традиционной империи еще целый век не сознавала стратегические риски интегрирования больших объемов иноцивилизационного и иноэтического целого. Ту же картину не так давно можно было наблюдать в Королевстве сербов и хорватов.

Но вернемся к истории Рима. В ходе Самнитских войн Рим превратился в гегемона всей Средней Италии. К 280 году до н.э. он проникает в Южную Италию и за десять лет подчиняет всю Великую Грецию — историческую область с древнегреческими колониями на территории современной Южной Италии. Иными словами, становится крупнейшим государством западного Средиземноморья и оказывается лицом к лицу с другим гегемоном этого региона — Карфагеном.

Столкновение Рима и Карфагена было битвой первой и третьей, завершающей, версии нового исторического качества. И в этой борьбе конечная победа Рима была неизбежна.

На момент разворачивания пунических войн Карфаген был городом-государством, а Рим — молодой и энергичной империей. Перед нами типологически различающиеся структуры. Каждая из них может переживать эволюцию, но только в рамках системного качества. Выход за эти пределы невозможен. Если же предел перейден, то город-государство трансформируется в империю, как и произошло с Римом. Но город-государство в принципе не может одолеть империю в войне на истощение³. Чтобы победить в такой схватке, ему надо было перестать быть самим собой.

Города-государства появляются на морских торговых путях, переживают расцвет, могут объединяться в широкие федерации,

³ Именно поэтому Великий Новгород был обречен на поглощение Москвией. И азиатская традиционная империя в принципе не может одолеть империю европейскую и, шире — значительное европейское целое. Смотри опыт противостояния Османов и Европы.

ОТКУДА И КУДА

обеспечивают социально-культурный подъем своих регионов, рост городов, по возможности создают колонии. Но однажды наступает неизбежный закат. Модель исчерпала свои возможности, а переход в новое качество невозможен. Заметим, что интеграция таких обширных пространств в некоторую целостность происходит только после уничтожения или буквального умирания предшествующего системного качества. Ни Ганзейский союз, ни средневековые морские республики Италии не породили ни империй, ни национального государства. Более того, на их пространствах историческая альтернатива городу-государству — национальное государство в собственном ли виде (как Италия) или в форме достаточно эфемерной империи, менее чем за сто лет трансформировавшейся в нормальное национальное государство (Германия), — возникают очень поздно, в последней трети XIX века.

В чем причина?

“Италию мы уже создали, теперь надо создавать итальянцев” — говорил Камилло Кавур, один из объединителей Италии, и эти слова стали лозунгом итальянских патриотов. Людям, далеким от изучения истории, они могут показаться парадоксом. Между тем Кавур фиксировал реальную и серьезную проблему, которая имеет отношение не только к Италии. Та же проблема стояла перед национально мыслящими немцами, которые призвали соплеменников к национальному единству. В 1841 году Гофман фон Фаллерслебен написал “Патриотический гимн немцев” — знаменитое “Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt...” (Германия, Германия превыше всего на свете) — на музыку, написанную некогда Гайдном для государственного гимна Австрии. Сегодня с этим гимном связаны самые мрачные ассоциации, но автор текста в них не повинен: у него речь идет о том, что единая Германия выше локальных идентичностей, выше 35 суверенных монархий и четырех свободных городов, входивших в тот момент в Германский союз. И итальянским, и немецким патриотам необходимо было создавать и утверждать новую, национальную идентичность.

Структура идентичности имеет в истории огромное, часто определяющее значение. Родо-племенное мышление не равно мышлению “государственного жителя” (Андрей Платонов). Политическое измерение имперской идентичности — сознание подданного правоверного императора, и оно задает особое позиционирование в космосе, не равное позиционированию человека полисной культуры. Механизмы мобилизации ресурсов, чрезвычайно жесткие формы и механизмы консолидации, безжалостное уничтожение противника — все это вытекает из природы традиционной империи⁴.

Космос человека города-государства устроен совершенно по-другому. Локальное мышление предполагает взаимодействие на договорных началах, ставку не столько на принуждение, сколько на оплату либо на соучастие из сознания собственной пользы, оставляющее за союзниками право выбора. Все это обрекает торго-

⁴ См. римскую практику наказаний в армии (децимация — казнь каждого десятого солдата за бунт и дезертирство), а также казнь за засыпание на страже и т. д.

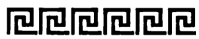
вую республику на проигрыш в деле мобилизации ресурсов, что жизненно важно в войнах на уничтожение. А империи (особенно на этапе исторического подъема) сплошь и рядом ведут именно войны на уничтожение. Либо покоряют, либо буквально уничтожают противника как Рим уничтожил Карфаген.

Римская имперская армия состояла из ополченцев, армия Карфагена — из наемников. А это очень разные субстанции. Наемники склонны к бунту или дезертирству при малейших задержках жалования. Ганнибалу не раз приходилось решать подобные проблемы со своей армией. Римские воины стояли до последнего, а если бежали с поля боя — безропотно шли на децимацию.

Если Карфаген и имел шанс на победу в войне, то он был связан со взятием и разрушением Рима. Но великий воин древнего мира Ганнибал не был владыкой традиционной империи. Его политическое и человеческое мышление не восходило к моделям Ассирии и разворачивалось в иной плоскости. Наказать, показать бесперспективность захватнической политики и физически уничтожить — это две существенно различающиеся стратегии. Вторая Пуническая война длилась семнадцать лет (218–201 годы до н.э.). На первом же ее этапе Ганнибал совершил стратегическую ошибку — после разгрома Рима в битве при Каннах, (крупнейшее сражение Второй пунической войны 2 августа 216 года до н.э.) он не двинулся срочно на город, но ждал послов. Судя по всему, Ганнибал просто не был готов к реализации имперской стратегии *уничтожения* противника.

Ганнибал видел цель войны не в уничтожении противника, а в установлении гегемонии Карфагена в Западном Средиземноморье и возврате Сицилии, Корсики и Сардинии. Здесь мы сталкиваемся с качественной дистанцией в мышлении человека торговой республики и империи. Вспомним высказывание Марка Порция Катона Старшего прославившегося фразой; “Кроме того, я считаю, что Карфаген должен быть разрушен”, которой он заканчивал всякое выступление в Сенате. Оно отчетливо демонстрирует суть политического мышления Рима. Побывав в Карфагене, активно восстанавливаемом после поражения во Второй пунической войне (218–201 годы до н.э.), Катон выступил в Сенате и, потрясая гроздью спелого винограда привезенного из Карфагена, убеждал коллег в необходимости разрушить Карфаген. Этот эпизод в высшей степени выразителен. Карфаген — наш геополитический конкурент, он демонстрирует впечатляющую динамику. Именно потому, пока это в наших силах, его необходимо уничтожить. Катон говорил до прихода в Рим мировых религий. Ему не надо было облекать устремление к намеченным имперским целям в тогу священной борьбы за продвижение божественной истины. Есть социал-дарвинистская реальность: мы или они. Лучше стрелять первыми.

К противникам Рим относился по-разному. Бесчисленные племена и народности завоевывал и приводил к покорности. Восставших — громил и наказывал. Если же Рим сталкивался с онто-

ОТКУДА И КУДА

логическим противником, который не примирится с римским господством ни при каких обстоятельствах, — физический уничтожал. Нам известны два таких народа — карфагеняне и евреи. Как же сложились их судьбы?

Карфаген разрушен, его жители частично перебиты, частично проданы в рабство или по-иному поставлены в условия, блокировавшие сохранение этнической и культурной идентичности. Живших в Карфагене финикийцев уничтожили как этнокультурную реальность. Говорят, что потомки карфагенских колонистов в Испании со временем влились в этнически близкий им еврейский народ. Сами же карфагеняне исчезли.

С евреями произошла сходная история. В ходе подавления восстания 69 года Иерусалимский Храм и большая часть города были уничтожены. Половина жителей изгнана из города, а другая половина продана в рабство. После жестокого подавления восстания иудеев под водительством Бар-Кохбы в 132–135 годах евреям под страхом смерти было запрещено входить в город, за исключением одного дня в году — день поста, когда евреи оплакивают разрушение Храмов. Запрет пережил Западно-Римскую Империю и продержался вплоть до VII века, когда город перешел к персам.

Итак, карфагеняне уничтожены. Евреи изгнаны из исторической родины, причем изгнание это пережило римскую империю на многие века. Если они выжили как народ — то только благодаря фанатической приверженности своей монотеистической религии. Но это было не заслугой или милостью Рима, а его неудачей.

А что стало с государством и народом Рима? Как и все под луною, римский народ смертен. Государство пережило Ганнибала лет на шестьсот — не так уж много перед лицом вечности. Однако римляне породили романские народы Европы, охватившие более половины Европы. Языковое, культурное наследие, история Рима сохранились в максимально возможной степени. Кроме того, романские языки выплеснулись в Латинскую Америку и стали родными для сотен миллионов людей. От Карфагена же остались фундаменты зданий, отдельные надписи и описания войны, сделанные римскими и греческими авторами.

Мы говорим о событиях, разворачивавшихся две с лишним тысячи лет назад. В ту эпоху не существовало ни понимания качественной дистанции между разными странами, ни идеи ее преодоления. Но и сегодня, когда, хочется думать, мы знаем об этих процессах намного больше, ситуация нередко принимает сходные формы. Вспомним, как сложно идут процессы догоняющей модернизации в странах второго эшелона, сколько проблем порождают, какими потрясениями — революциями, диктатурами развития, депопуляцией — сопровождаются. Наконец, все ли страны, включившиеся в догоняющую модернизацию, смогли преодолеть исходное системное качество и перейти порог, разделяющий экстенсивные и интенсивные общества, или, хотя бы, осознать это как проблему?

В частности, “клятва Ганнибала” в ее широком понимании наводит и на размышления об основаниях и формах экспликации российского антизападничества. О картине мира и судьбах культуры, отторгающей Запад по метафизическим основаниям. Отторжение Запада исходно, оно переживается носителями российско-имперской идентичности как метафизическая характеристика бытия. В глубинном основании этого феномена — качественное различие локальных цивилизаций и, соответственно, ментальных конституций. Европейское образование и европейский по внешним формам образ жизни маскирует такую дистанцию. Западное образование диктует общий дискурс. Однако глубинная дистанция в понимании Вселенной, Божьего замысла о мире и человеке, о месте этого человека в мире, целях и смысле его существования остается.

Ганнибал — фигура великая и трагическая. Он был сыном своей эпохи, и эта диспозиция диктовала ему один путь — битвы до последнего. Исторически регрессивный феномен обречен на клятву Ганнибала и борьбу до окончательного разгрома, перехода в другое качество или схождения в историческое небытие. Интеллектуальное мужество на то, чтобы признать неумолимую логику исторического процесса, в соответствии с которой “мы” обречены уступить мир более успешным, дано далеко не каждому. Остается ненавидеть, обращаться к Баал-Хамону и уповать на последний бой.

Клятва Ганнибала — знак и символ исторической обреченности. Силы, верные этой клятве, обрекают себя на крах дела всей жизни, а свои народы — на катастрофу и стремительное схождение с исторической арены. Увы, альтернатива немногим лучше — системная перестройка, отказ от важнейших, кажущихся порой ключевыми, элементов идентичности, воспринимающийся как ее утрата [6]. Есть ли выходы из ситуации исторического тупика? Пожалуй, это вопрос не к историкам, а к истории, и не к культу-рологам, а к культуре.

Литература

1. *Дьяконов И.М., Яковсон М.А.* Номовые государства. Полисы. Царства. Империи. Проблемы типологизации // Вестник древней истории 1982. № 2.
2. *Ивик Олег.* История человеческих жертвоприношений. М.: Ломоносовъ, 2010.
3. *Кораблев И.Ш.* Ганнибал. М.: Наука, 1976. С 153.
4. *Палмер А.* Бисмарк. Смоленск: Русич, 1998. С. 69.
5. *Суриков И.Е.* Солнце Эллады. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008 С. 23.
6. *Яковенко И.Г.* Ловушки исторического тупика // Человек. 2013. № 1.